

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

С. Б. Ульянова, И. В. Сидорчук

«За что боролись?»: герои Гражданской войны в «угаре нэпа»*

**Ульянова
Светлана
Борисовна**
доктор исторических
наук, профессор,
Санкт-Петербургский
Политехнический
университет
Петра Великого
(Санкт-Петербург,
Россия)

**Сидорчук Илья
Викторович**
кандидат
исторических наук,
доцент, Санкт-
Петербургский
Политехнический
университет
Петра Великого
(Санкт-Петербург,
Россия)

Гражданская война выпестовала первое поколение советской номенклатуры — поколение «кожаных курток»¹. Наряду с так называемыми старыми большевиками те, кто сформировался в годы революции (1917–1922 гг.), доминировали в политической и хозяйственной жизни в первое десятилетие существования Советской России. Как пишет Ш. Фицпатрик, вихрь революции подхватил миллионы граждан бывшей Российской империи — они меняли занятие, место проживания, социальный статус, меняли старую жизнь на новую². Экстремальные условия способствовали появлению новых героев, руководствовавшихся различными мотивациями³.

Истоки формирования, состав и основные характеристики первого поколения советской элиты не раз привлекали внимание исследователей⁴. Так, О. В. Гаман-Голутвина отмечает ее военно-мобилизационный характер⁵. Е. Г. Гимпельсон анализирует механизм рекрутирования кадров государственного аппарата, показывает реальную степень его «орабочивания» в 1920-е гг.⁶ В. С. Измозик и Н. Б. Лебина прослеживают постепенное социальное дистанцирование власть имущих, эволюцию стиля их жизни в 1920-е — 1930-е гг.⁷ Л. В. Борисова, Е. Д. Твердюкова и др. обращают внимание на распространение взяточничества и хищений среди тех, кто

оказался причастен к распределению ресурсов в советской экономике⁸. Картину повседневной жизни низовой партийной номенклатуры на региональном уровне реконструируют в своих работах С. В. Воробьев, Л. Н. Лютов и др.⁹

«Герои Гражданской войны» в раннесоветском обществе представляли собой особый социальный тип со своим стилем политического и повседневного поведения¹⁰. По мнению Е. Г. Гимпельсона, для руководителей, вышедших из этой группы, были характерны стереотипное безапелляционное сознание, одномерный классовый подход к личности, пренебрежительное отношение к нравственности и законности¹¹. С. А. Павлюченков подчеркивает их «природную смекалку и аппаратную ловкость» наряду с отсутствием настоящей культуры и образования¹².

В предлагаемой статье исследование этого социального типа осуществляется преимущественно путем обращения к его досуговым практикам, очень часто приобретавшим девиантный характер. Представляется, что использование методов повседневной истории и ее составляющей — истории досуга — в данном отношении является наиболее конструктивным. Именно при реализации досуговых практик человек лишается своей маскировки, обретает истинное состояние, что дает возможность судить о его нравах.

Запись в анкете об участии в Гражданской войне на стороне красных позволяла в 1920-е гг. влиться в номенклатуру карьеристам с криминальными наклонностями (оговоримся, что таких было меньшинство, большинство «партийной гвардии» бескорыстно посвящало свою жизнь революции без каких-либо расчетов на материальные блага). Председатель ЦКК РКП(б) А. А. Сольц констатировал уже в начале 1921 г., что в партии на многие руководящие посты пробрались карьеристские, шкурные элементы. Кроме того, само пребывание у власти, по его мнению, оказывало на многих разлагающее влияние¹³.

В октябре 1923 г. было выпущено циркулярное письмо ЦК РКП(б) «О борьбе с излишествами», содержащее перечисление пороков «отдельных ответственных работников»: содержание скаковых лошадей, игра на скачках, роскошная обстановка квартир, чрезмерные расходы в ресторанах, азартная игра (тотализаторы, лото, карты и т. п.)¹⁴. На все это нужны были средства, которые широко черпались из государственного кармана.

Ярким примером подобной деградации, превращения героя революции в преступника, служит знаменитое дело Ленинградской карточной фабрики и ее директора Романа Батурлова. В автобиографии этот молодой человек (должность директора Госкартфабрики он занял в 1922 г. в возрасте 25 лет) подробно писал о своем тяжелом детстве, об участии в революции (в 1917 г. Батурлов вступил в партию), в Гражданской войне («от рядового красноармейца до Начальника дивизии»)¹⁵. Об этом он постоянно напоминал, находясь на скамье подсудимых как фигурант одного из самых громких уголовных процессов 1920-х гг.

После революции карточная фабрика, имевшая монопольное право на выпуск игральных карт, была национализирована, но спустя непродолжительное время, в 1919 г., закрыта (не было топлива и сырья). В 1922 г. в связи с резким ростом спроса на игральные карты Наркомфин принял решение о возобновлении работы Госкартфабрики. Игральные карты не только поступали на внутренний рынок, но и экспортировались в Америку, Францию, Персию, Китай, Германию

и др. В 1924 г. Управление Государственной карточной монополии (далее — УГКМ) было переведено из Ленинграда, где оно находилось при фабрике, в Москву¹⁶. В ведении УГКМ состояли 10 отделений (Ленинградское, Харьковское, Ростовское, Тифлисское, Хабаровское и др.). «Карточный домик», в котором было организовано «сплошное перекачивание государственных денег из монополии в кабаки и рестораны»¹⁷, начал рушиться в 1924 г., причем первоначальным толчком послужила внутренняя склока в руководстве фабрикой¹⁸. В результате в 1926 г. на скамье подсудимых оказались 15 человек.

Схемы растрат были вполне типичны: продажа карт частным торговцам, кредиты в коммерческих банках, сознательная поддержка хаоса на предприятии. Карты продавались мифическим лицам под фальшивые векселя, спекулянтам¹⁹. Наибольший резонанс получил случай, когда 58 248 колод карт было списано со склада как «подмоченные»²⁰.

Образ Р. Батурлова во многом схож с героем романа И. Эренбурга «Рвач» Михаилом Лыковым, воспринявшим нэп как возможность новой — «сладкой и веселой» — жизни. Про Батурлова говорили, что он — «граф», хотя на самом деле он был сыном железнодорожного служащего, сцепщиком вагонов. Корреспондент «Красной газеты» Э. Гард в серии репортажей из зала суда сравнивал его с Хлестаковым. Получив в свое распоряжение фабрику, он вел себя как «самодур» и «сатрап» в окружении преданной ему «клиентелы». На фабрике он почти не бывал, «приезжал туда иногда ночью, в сопровождении “рыжей дамы”, шикарно одевался, снимал великолепную квартиру, имел автомобиль, под видом командировок ездил с семьей в Евпаторию, “отдыхать”»²¹. В обвинительном заключении ситуация на фабрике описывалась как «пожар в публичном доме».

В портретах Батурлова и его соучастников подчеркивались их буржуазность, несоветскость. Батурлов — «высокий, статный, красивый. Бритое лицо с волосами, зачесанными назад, в глазах — мечтательность и скорбь за грехи всего мира. Приятный тенор, выхоленные руки»²². Управделами фабрики С. Ю. Вишневский на заседании Контрольной комиссии РКП(б) Центрального Городского района летом 1924 г. говорил, что в Батурлове «наблюдались мещанские уклоны», и он «имел связи в большинстве с нэпманами»²³. Это был человек, который не хотел трудиться, но хотел жить красиво. Например, он приобрел кабинет за 2000 руб. (по замечанию прокурора, хороший кабинет можно было купить и за 300 руб.) и перевез к себе в квартиру²⁴. К. Чуковский, посетивший судебное заседание по этому делу, называл Батурлова «пошлым и неудавшимся Блоком»²⁵. Важнейшей статьей его расходов были женщины. Следствию отдельно пришлось разбираться в их количестве: «рыжая дама», Эрна Германовна, Минавицкая, жена из Евпатории, куда он ездил «в командировки», — «все это жены, которые, ведь, требовали курортов, нарядов, обстановки, кутежей, денег»²⁶. В мнимые командировки ездил не только сам Батурлов, он также «посылал некоторых товарищей за границу и выдавал им огромные суммы денег»²⁷. Отметки в местах прибытия могли не ставиться, не было и отчетов о проделанной работе. Сам директор, например, с 24 апреля по 5 мая 1924 г. находился в Евпатории (хотя официально должен был быть в командировке в Баку), причем поехал туда со всей семьей (расходы составили более 600 руб.)²⁸.

Согласно показаниям свидетелей, любимым местом отдыха преступников был московский ресторан «Эрмитаж», где устраивались «кутежи по-московски» — с битьем посуды, дамами и т. д.²⁹ Бывший заведующий коммерческим отделом монополии Ауг в своих показаниях описал следующий случай. Однажды он, Батурлов, московский уполномоченный Колосков и заведующий харьковским отделением Шабельман заседали в отдельном кабинете «Эрмитажа».

«Расходившийся Шабельман швырнул в печь бутылкой вина. Осколок печки угодил Аугу в голову...

Поднялся скандал.

Тогда Колосков вытащил пачку денег и совал ее администрации ресторана, — “заливал скандал”.

— Вот как Колосков швырял деньги! — обличает потерпевший от печки Ауг. — В кабинете была даже женщина!

Колосков спрашивает с места: а вы не помните, кто требовал привести ему женщину? Не вы ли?»³⁰

Как видно, подчиненные старались не отставать от руководителя. Коммерческий директор Степанов, проводивший ревизии в Киеве, пропил в местных ресторанах 4 тыс. руб.³¹ Особенно яркой является история с харьковским отделением УГКМ. Уже упоминавшийся Шабельман сменил на должности его руководителя Ершова. Они растратили свыше 40 тыс. руб. перекачивая государственные деньги из монополии в кабаки и рестораны. Причем Шабельман через жену Ершова, «пиковую даму», имевшую деловые контакты с Батурловым, смог продвинуться по карьерной лестнице (впоследствии жена Ершова развелась с мужем и вышла замуж за Шабельмана)³². Ершов, в отличие от основных обвиняемых, предстает скорее алкоголиком, нежели вором.

«Он растрачивал харьковское отделение. Растрачивал по кабакам.

Когда Батурлов назначил его своим завом, жена его, Анна Ершова, наивно воскликнула:

— Ну, разве можно такого оставлять около денег?!

И вот этот человек, которого нельзя оставлять около денег, дает свои показания.

Он — бывший моряк.

Говорит о Сингапуре, о своей жене Анне, о пропавших колодах карт...

Но больше всего — о водке.

Его показания, это — “песнь о пьянстве”. Он только и оживает, когда говорит:

Ну, что это за попойка — 8 бутылок на 15 человек!

Или когда рассказывает как когда-то, ревизуя суда, он обходил один за другим пароходы в порту и на каждом выпивал 1–2 рюмки водки.

— Сколько же было пароходов в день?

— Штук 40!..

В глазах у него мечтательная грусть.

— Эх, было когда-то время! — говорит и его грустный взгляд, и вся его восторженная, коротенькая фигурка...»³³

К. Чуковский, наблюдая за осужденными и зрителями в зале суда, отметил интересную особенность: «Чаще всего за фасадом комфраз скрывается “обогащайтесь”. Они и обогащались — обкрадывали казну, как умели. Они были в этом деле талантливее, чем другие, только и всего. Не чувствуется никакой разницы между их психологией и психологией всех окружающих. Страна, где все еще верят бумажкам, а не людям, где под прикрытием высоких лозунгов нередко таится весьма невысокая, “мелкобуржуазная” практика, — вся полна такими, как они. Они только слегка перехватили через край. Но они плоть от плоти нашего быта. Поэтому во всем зале — между ними и публикой самая интимная связь. “Мы сами такие”. Ту же связь ощутил, к сожалению, и я»³⁴. Зрители в зале суда завидовали растратчикам, этой возможности транжирить деньги на вполне примитивные удовольствия: «Русский растратчик знает, что чуть у него казенные деньги, значит, нужно сию же минуту мчаться в поганый кабак, наливать до рвоты вином, целовать накрашенных полуграмотных дур, — и, насладившись таким убогим и бездарным “счастьем”, попадаться в лапы скучнейших следователей, судей, прокуроров. О, какая скука, какая безвыходность! И всего замечательнее, что все нерастратчики, сидящие на скамьях для публики, тоже мечтают именно о таком “счастье”»³⁵.

Всего убытки от деятельности Батурлова и К° составили 429 тыс. руб., ушедших, по словам прокурора, «на рыжих дам и попойки»³⁶. Несмотря на требование прокурора применить к Батурлову высшую меру наказания, его приговорили к десяти годам, Колоскова — к восьми, Степанова — к пяти, Шабельмана — к трем. Ершов был оправдан³⁷.

Чем объяснить и суровость требований прокурора, и последующее смягчение наказания?

Присвоение и растрата казенных денег — преступление, в большей или меньшей степени характерное для всех стран и эпох. Не исключением является и Россия с ее традиционно высокой коррупционной составляющей в экономике. При этом каждый исторический период придавал казнокрадам свои характерные особенности. В 1920-е гг. растратчики стали уникальным социальным типом, порожденным революционной эпохой и ставшим героем государственной пропаганды, художественной литературы и городского фольклора.

Переход к нэпу привел к появлению слоя «совбуров» и «нэпачей», чье финансовое положение оказалось значительно лучше остальных. Советские нувориши зачастую становились символом «умения жить», которое традиционно ценилось в условиях жесткой и несправедливой в глазах общества политики власти. Доступ к деньгам и наличие партийного билета в кармане приводили к тому, что автор журнала «Крокодил» описал следующими словами: «Промысловое свидетельство партбилетом служить не может, а партбилет промысловым свидетельством иногда служит»³⁸. Для рядового же хозяйственника единственным способом повысить уровень жизни и призрачным шансом приблизиться к новой элите становились растраты.

Проблема растрат волновала власть намного больше, чем разгульное поведение нэпманов, ведь советские служащие порочили новую власть в глазах общества: «Вот — заслуженный партиец-коммунист с 1905 г. в партии, он, Зав[едующий] Ф[инансовым] О[тделом], произвел растрату в 30 тыс. руб. Подрывает

авторитет и партии, и Сов[етского] Правительства»³⁹. Имиджевые потери, связанные с встраиванием советской бюрократии в рыночную систему нэпа, оказались слишком серьезными. Как справедливо отмечает С. В. Воробьев, «под влиянием нэпа начинает формироваться определенный стиль жизни партийно-советской и, особенно, хозяйственной “элиты”, отклоняющийся от официально декларируемого образца. Неотъемлемым элементом такого стиля становятся коррупционные практики»⁴⁰. Для описания подобного поведения даже появлялись специальные термины («онэпивание», «хозяйственное обрастание», «мелкобуржуазное заражение»), провозглашенные одной из болезней РКП(б)⁴¹. Таким образом, ответственность за моральное разложение советских деятелей власть перекладывала на идеологически чуждых нэпманов: «Период нэпа таит в себе опасности, особенно для той части коммунистов, которая в своей повседневной деятельности соприкасается с нэпманами. Неустойчивые элементы иногда начинают тяготиться режимом партийной дисциплины, завидуют размаху личной жизни народившейся новой нэпманской буржуазии, поддаются ее влиянию, перенимают ее навыки, ее образ жизни, входят в дружбу, а не только в обязательные для них деловые отношения... В личной жизни это выражается в участии в совместных с нэпманами обедах, не вызываемых отнюдь деловыми соображениями, — вечеринках, развлечениях, в посещении казино, скачек, ресторанов, дома свиданий и пр., в допущении для себя и своих близких сверхумеренных ставок, искусственных премирований и т. д.»⁴². Председатель ЦКК РКП(б) А. А. Сольц на XI съезде в 1922 г. заявил: «Новая экономическая политика создала такие условия, при которых слабые, невыдержанные элементы нашей партии легче всего могли поддаться мелкобуржуазной стихии, которой мы должны были делать известные уступки»⁴³.

Статистика фиксировала рост числа должностных преступлений, — в частности, по отчетам милиции, с января — марта 1924 г. по июль — сентябрь 1925 г. число растрат и подлогов выросло на 425%⁴⁴. 1925 г. в области уголовной репрессии «прошел главным образом под знаком усиленной борьбы с должностными преступлениями, особенно с растратами, достигшими за последнее время небывалого развития»⁴⁵. В выступлении на заседании хозяйственников-коммунистов 28 мая 1926 г. секретарь Ленинградского губкома ВКП(б) С. М. Киров заявил: «Боюсь даже произнести эту цифру, что-то кошмарное. Мы собрали сведения в Губкоме и оказалось, что сейчас число растрат в наших учреждениях, растрат, которые зарегистрированы в судебных органах и т. д. за последнее время, если не ошибаюсь — 600 тысяч... Какое надо иметь ведение дел, для того, чтобы растащить полмиллиона рублей за один месяц. Очевидно, обстановка в наших учреждениях и предприятиях такова, что сделать это довольно просто»⁴⁶.

Справедливости ради стоит сказать, что преимущественно растраты были небольшими: «Растратчики-кутилы составляют незначительный процент, в основном это обремененные большой семьей люди, которые тратят украденные деньги на то, чтобы покрыть семейный бюджет. Лишь 6,6% растратчиков были причастны к азартным играм»⁴⁷. В провинции сравнительно небольшие суммы денег обычно просто пропивались.

Значительная часть растратчиков происходила из низших слоев, для которых взлет по карьерной лестнице, подаренный им революцией и Гражданской

войной, был слишком сильным испытанием: «Внешний блеск и лихорадочная жизнь столицы создают нездоровую атмосферу легкой наживы. Позолоченная мишура и заманчивые удовольствия большого города столь близкие и столь неуловимые... для служащего — ослабляют “задерживающие центры” неустойчивого элемента, соприкасающегося с деньгами, и после холодно-корыстного расчета обеспечить себя на “всю жизнь” или колебаний то длительных, сопровождающихся душевными переживаниями, то внезапных импульсов, окрыленных надеждой отыграться счастливой игрой в рулетку и карты, — служащий решает присвоить вверенные ему суммы»⁴⁸.

Как правило, растратчики не имели доступа к большим деньгам. Например, телеграфист 21-го почтового отделения в Ленинграде Яковлев систематически присваивал казенные деньги, которые он получал за телеграммы: «Для того, чтобы покрыть растрату, Яковлев уменьшал количество слов, подаваемых в телеграммах. Губсуд приговорил Яковлева (растрата 74 р. 4 к.) к заключению на 3 месяца, со взысканием с него растроченной суммы»⁴⁹. Сотрудники железной дороги умудрялись похищать деньги, взысканные в качестве штрафа за безбилетный проезд⁵⁰.

Распространенным способом хищения было присвоение взносов рабочих в различные организации, в частности в кассу взаимопомощи. Это могли быть большие суммы, их хищение уже требовало навыков профессионального мошенника, и статус таких растратчиков был выше. Так, в декабре 1925 г. за подобные хищения были преданы суду бывший председатель рабочего комитета Торгового порта Ленинграда Александр Успенский, секретарь Д. Воронов и члены комитета Г. Басалев и А. Вальдовский — участники пьяных оргий. На кутежи и карты они растратили с августа 1924 г. по июль 1925 г. 11 508 руб. Более того, Успенский принуждал подчиненных по работе женщин к вступлению с ним в связь⁵¹. С такой же легкостью и частотой крались деньги из культфонда или членские взносы. Зачастую изначально у растратчика могло и не быть умысла похитить деньги. Он их лишь одалживал, чтобы потом вернуть, что не всегда удавалось. Типичная история — проигрыш денег в карты и надежда вернуть в казино⁵².

Более сложный механизм растрат использовался экономически грамотными преступниками. Выявить подобные хищения было значительно сложнее. Например, секретарь и казначей завкома Первой электрической станции в Ленинграде Блюм умел подгонять цифры благодаря тому, что своевременно слушал телефонные переговоры членов ревизионной комиссии. При этом, «получая большое жалование, давал своей семье не более 60 руб. в месяц, а остальную часть жалования и общественные суммы истратил исключительно на “ухаживания”». Лишь внезапная ревизия позволила выявить растрату⁵³.

Использование фиктивных счетов и подделка подписей также были распространены. Например, в Ленинграде в период с 1923 по июнь 1925 г. некто Рогачев, «состоя в должности агента для поручений и по закупкам при коммерческом отделе Балтийского судостроительного завода, систематически растратил и присвоил на свои личные нужды и пьянство из находившихся в его ведении подотчетных сумм, выдаваемых ему на приобретение разных материалов, 22 600 руб. 21 коп.». С целью сокрытия растраты он систематически совершал подлоги, «получая от госучреждений — поставщиков Балтийского завода предварительные счета, лично

оклеивал их гербовыми марками, ставя на них заранее с этой целью приобретенный штамп с текстом: “по означенному счету расчет произведен полностью”, учинял собственноручно подписи кассиров соответствующих госучреждений и, придавая, таким образом, этим фиктивным счетам внешний вид надлежаще оформленных, оплаченных счетов, представлял их в качестве оправдательных документов к отчетам в погашение получаемых им подотчетных сумм; с целью сокрытия своих преступлений и во избежание заявлений госорганов-поставщиков об оплате их счетов, прибегал к комбинациям, покрывая из получаемых в дальнейшем подотчетных сумм частично задолженность госучреждения по действительным счетам, в каковых суммах также затем отчитывался фиктивными счетами, до тех пор, пока в июле 1925 г. Балтийскому заводу не был предъявлен счет к оплате Кожтрестом, при выяснении расчетов с которым и была обнаружена преступная деятельность Рогачева»⁵⁴.

Для молодых растратчиков были характерны наглые хищения без проработанного плана их сокрытия. Например, некто Бруев в 21 год был назначен инкассатором ленинградской типографии им. Лоханкова. Поддавшись соблазну, он «собирал с заказчиков деньги и... “покрывал” (будто бы) кражу — в вагоне трамвая у него “украли три тысячи рублей”». «Покрывал» — значит играл в известном в Ленинграде Владимирском клубе⁵⁵. При рассмотрении многих случаев растрат у исследователя создается впечатление, что служащий просто не мог не растратить доверенные ему деньги — растрата предстает неизбежным и логичным результатом общей бесхозяйственности и отсутствия эффективного контроля⁵⁶. Показательна история агента по закупке материалов 1-й госпробочной фабрики Кораблева, который растратил 5 тыс. руб. Однажды служащий конторы свел его, 39-летнего, женатого, с тремя детьми, в игорный клуб. Там он проиграл 500 казенных рублей. Попробовал отыграться, проиграл еще больше. В итоге запил, деньги на пьянки также воровал. Кораблев получал товар в кредит, уплачивал по частям, когда вздумается; счета писал сам, по ценам вдвое дороже существующих. А фабрика за это исправно платила⁵⁷.

Некоторые умудрялись провороваться сразу после начала работы на новом месте. Так, артельщик П. В. Данилов, получив должность сборщика Госбанка, в первый же день собрал 1588 руб. и проиграл их в клубе. История окончилась трагедией — на следующий день он повесился⁵⁸.

Нередко пойманные с поличным, ухватив общий антинэповский пафос, пытались возложить вину на «соблазны нэпа», который породил на свет крупных дельцов, «с крупными деньгами, с дорогими сигарами»⁵⁹, что не могло не вызывать зависть у еще недавно честных партийных работников и борцов на фронтах Гражданской войны.

К такому типу растратчиков — сбившимся с истинного пути молодым революционерам и участникам Гражданской войны — суд обычно был достаточно мягок. Например, 21-летний Георгий Андреевич Вьюхин, будучи в должности секретаря Арамильского районного комитета профсоюза совторгслужащих, с 1 мая по 1 октября 1925 г. растратил 499 руб. 09 коп. профсоюзных денег. С целью сокрытия растраты «он в то же время извлек из старой отчетности за 1924 г. два приходные ордера за № 205 и 195 о сдаче денег в финотдел на сумму 182 р. 72 коп., подделал

эти ордера как полученные им от финотдела в мае и июне 1925 г. и представил эти ордера вместе с отчетом». Был приговорен к пяти годам лишения свободы со строгой изоляцией и с поражением прав на два года. Уголовно-кассационная коллегия снизила срок до трех лет без строгой изоляции и лишения прав, в том числе «ввиду молодости осужденного, его первой судимости, чистосердечного сознания»⁶⁰.

Снисхождение к растратчикам зависело от их былых заслуг (не случайно большинство из них, как Р. Батурлов, оправдываясь, делали упор на свое героическое прошлое: «моя колыбель — Октябрьская революция, моя жизнь — партия»⁶¹) и классового статуса. Так, видный чекист, один из организаторов красного террора в Петрограде в 1918 г. С. С. Лобов, ставший в 1920-е гг. председателем Севзаппромбюро, сетовал на пленуме Ленинградского губкома в декабре 1925 г., что «выбытие» арестованных за взятки и растраты руководящих работников-коммунистов «вредно сказывается» на практической работе трестов⁶². Он же откровенно высказался на одном из заседаний по поводу так называемых буржуазных спецов: «С начала революции мне пришлось работать в ЧК, спецов сажали, спецов расстреливали с легкой душой, а теперь с этой сволочью, извините за выражение, приходится нянчиться»⁶³.

Лихость и ухарство растратчиков, транжиривших деньги, можно объяснить тем, что многие из них были просто незнакомы с культурными формами досуга. Вот история одного неграмотного растратчика: «Я — с 1914 по 1921 г. кочегар на военно-морской службе. Ко времени растраты состоял председателем артели лесорубов. Проиграл 1301 р. в игорных домах в пьяном виде»⁶⁴. Другой пример также веет отсутствием у героя истинного *art de vivre* («искусства жить»). Он окончил «ремесленное училище, но с детства увлекался спортом и театром. Подолгу нигде не уживался и, главным образом, работал по электротехнике в разных театрах, цирках и т. д., переезжая с места на место по истечении нескольких месяцев работы. В 1922 г. стал работать по кооперации в провинции; в 1923 г. переехал в Москву и здесь устроился агентом. Сначала растратил немного, а потом стал утешаться на беггах (по его уверению, исключительно в силу «стремления от невежества к красивому и увлечения конскими состязаниями»). 2700 руб. проскользнули незаметно»⁶⁵. Растраты были для чиновников чем-то вроде наркотической зависимости, ведь каждый из них жил лишь одним сегодняшним днем, не желая и думать о будущем, хотя прекрасно сознавал все последствия.

Ярким примером растратчика-гедониста являлся некто С., который, несмотря на свой сравнительно молодой возраст, занимал ряд ответственных постов в местных хозяйственных органах Республики. Он ловко ушел от ответственности за одну недосдачу, устроился на другую работу, брал крупные подотчетные суммы и всевозможные авансы, не отчитываясь в предшествующих. Летом 1925 г. он уехал в отпуск на юг России, оставив после себя задолженность в 7 тыс. руб. В Пятигорске умудрился поступить на должность директора одного из заводов и присвоил 900 руб., полученных им от уполномоченного Госспирта. При этом он не брезговал даже обманом заведующего домом отдыха в Ялте на четыре червонца. Деньги тратил залихватски: «Имея пристрастие к алкоголю и женщинам, он не жалел на них средств; судебным следствием установлен целый ряд попок, устраивавшихся

С. и завершавшихся дебошами и катаньем на казенных автомобилях. Все эти попойки обычно сопровождались уничтожением бесчисленного количества бутылок хорошего вина. На своих двух жен С. тратил большие деньги, ибо показаниями целого ряда свидетелей установлен их “шикарный” образ жизни»⁶⁶.

Как видно, в основном деньги тратились на достаточно примитивный девиантный досуг — карты, алкоголь, скачки, женщин. Среди основных мотивов, толкавших к растрате, в 1925 г. пьянство составляло 22,1 %, т. е. более чем каждый пятый случай (еще 10,8 % приходилось на проигрыш и 1,6 % — на бег)⁶⁷. Так, Н. Полетика в своих воспоминаниях подчеркивал, что главный центр развлечений в Ленинграде, Владимирский клуб, посещался далеко не только нэпманами: «Ночью Владимирский клуб был заполнен не столько нэпманами, сколько кассирами крупных предприятий и учреждений. Они были буквально одержимы надеждой на выигрыш, но дело обычно кончалось проигрышем казенных денег. Затем кто вешался, кто травился, кто шел в тюрьму»⁶⁸.

Еще одной из причин растрат было то, что они позволяли вырваться из скуки повседневности. Например, случай с растратой одним из чиновников казенных денег на проститутку описан как сброс надоевших оков: «Совершенно исключительное по своей интенсивности чувство освобождения, разрыва со всем пережитым, которое переживает человек, внезапно поступающий вопреки всему тому, что до сих пор определяло его жизнь и деятельность»⁶⁹.

Как отмечает М. Л. Лурье, проанализировавший городские песни эпохи, многие растратчики, представшие перед судом, не испытывали страха перед наказанием. Он объясняет это тем, что «в подавляющем большинстве случаев растратчик, чувствуя неизбежность своего разоблачения, спешил увеличить размер растраты настолько, чтобы сумма эта его обеспечила на срок, далеко превышающий судебную кару. Были такие случаи, что, предвидя пару лет тюремного заключения, растратчики назначали себе солидную пенсию и присваивали от 4 до 30 тыс. руб., причем, как правило, все они поголовно сумели выработать такую систему, при которой у них вытянуть назад присвоенные средства оказывалось невозможным»⁷⁰. Это нашло отражение в городском фольклоре:

В нарсудах у нас дела модное
Пра растратчиков всюду твердят,
Деньги тратяца всё народные
В ресторанах чирвонцы литья.
Ани тратятся на красоточек
Говорят «Нам тюрьма нипачем!»
Ни мишало бы хто их хапает
И таво бы слехка кирпичем⁷¹.

Подобная открытость преступлений, показная роскошь и кутежи раздражали простых людей, которые жаловались властям. Так, согласно выписке из рабочей сводки о политическом и экономическом состоянии Петрограда (3 января 1923 г.), на Путиловском заводе рабочие были недовольны из-за того, что не арестован председатель Райпепо, уличенный в растрате⁷². Непонимание могла вызывать

и необъективность власти при вынесении приговоров — более мягкий для партийных или классово близких и «на полную катушку» для беспартийных. В вышеупомянутом деле Госкартфабрики был эпизод, рассмотренный также на заседании бюро фабричной ячейки ВКП(б). Партийный тов. Дуцман и беспартийный Носов взяли служебную машину и поехали во Владимирский клуб, где «кутили всю ночь». Машина попала в аварию, причем дорогостоящий ремонт должен был делаться за счет рабочих. Все это вызвало возмущение в цехах, простые сотрудники были уверены, что за рулем сидел Дуцман, а Носова как беспартийного попросили взять на себя вину⁷³. А вот что писал И. В. Сталину следователь И. Орлов в сентябре 1926 г.: «Враги наши под видом различных спецов залезают в совучреждения и делают свои темные делишки. Агрономы в совхозах, бухгалтеры, счетоводы (бывшие попы — черные пауки и разная свора царского правительства) в кооперативах и хозорганах разоряют совхозяйство и ежегодно, вместо социалистического накопления, дают дефициты... По делам сознательных растратчиков нужно организовать чрезвычайную тройку из представителей прокуратуры, ГПУ и РКИ и всегда их расстреливать, а имущество конфисковать»⁷⁴. Как видим, образ растратчика со временем приобрел черты образа классового врага.

Политику власти в борьбе с растратами сложно назвать последовательной. С одной стороны, раздавались призывы ужесточить борьбу с ними. Наркомюст неоднократно издавал циркуляры по этому вопросу⁷⁵. Уже в 1926 г. в местах заключения РСФСР без автономных республик было более 9 тыс. чел., приговоренных к лишению свободы за растрату, что составляет 11 % всего числа срочных заключенных⁷⁶. В то же время довольно распространено было представление о том, что растраты стали некой эпидемией, а заразившиеся ею — жертвы, а не преступники⁷⁷.

Растрат стало настолько много, что в протоколах рабочих собраний они проходят по разряду «разное» или «текущие дела». Например, на собрании рабочих ленинградской фабрики металлических изделий Промвоенхоза 16 декабря 1924 г. буднично было доложено, что «тов. Федоров уполномоченный по воздухфлоту, собрав за значки деньги пропил, а посему... тов. Федорова с работы уполномоченного снять и выделить нового»⁷⁸. Подобный случай был далеко не единственным⁷⁹.

Смешной и жалкий образ растратчика активно конструировался писателями и журналистами. Герои «Растратчиков» В. Катаева, зашедшие с казенными деньгами попить пива, а потом, войдя во вкус, совершившие удивительный пьяный трип по городам страны, вызывают скорее презрение, нежели осуждение⁸⁰. С юмором описали типичного растратчика И. Ильф и Е. Петров: «Председатель [месткома], который действительно растратил тридцать рублей МОПРовских денег, ошалело посмотрел на Иоаннопольского. Растрату председатель собирался восполнить членскими взносами, собранными с друзей радио. Недочет же в средствах друзей порядка в эфире должны были покрыть средства Общества друзей советской чайной. А прореху в кассе почитателей кипятку предусмотрительный председатель предполагал залатать с помощью еще одного общества, над организацией которого ныне трудился. Это было общество «Руки прочь от пивной»⁸¹. Совсем другим — трагическим — персонажем является герой романа И. Эренбурга «Рвач» Михаил

Лыков, предавший идеи Революции ради наживы и красивой жизни, осужденный и выбравший добровольную смерть⁸².

* * *

История эпидемии растрат 1920-х гг. и связанного с нею распространения девиантного досуга в среде советской бюрократии показывает, как быстро мог быть растерян героический ореол Гражданской войны, как легко положительный, сформированный пропагандой социальный тип активного участника революционных событий и борца за советскую власть трансформировался в негативный социальный тип ушлого дельца, за свои боевые заслуги допущенного к государственным ресурсам и использующего эти ресурсы в своих корыстных интересах. Неправедные деньги тратились в основном на весьма примитивные удовольствия — карты, бега, женщин, алкоголь и т. д. Это обстоятельство еще раз подчеркивает характерный для поколения «кожаных курток» невысокий уровень культуры, в том числе культуры досуга, а также свидетельствует об общей примитивизации социальной структуры в результате Гражданской войны. Отношение к «онэпившимся» со стороны властей определялось прежде всего степенью их социальной близости и революционными заслугами. К началу 1930-х гг., несмотря на то что коррупция, пьянство, пренебрежение общественными нормами, продолжали существовать, образ растратчика-кутилы потерял актуальность, сблизившись с образом классового врага. А героика Гражданской войны в годы первых пятилеток затмил пафос социалистического строительства.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-31-00017.

¹ Коржихина Т. П., Фигантер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.

² Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 44.

³ См. об этом: Посадский А. В. Народные элиты Гражданской войны: источники и пути формирования // Эпоха войн и революций: 1914–1922. СПб., 2017. С. 177–178.

⁴ См., напр.: Джавланов О. Т., Михеев В. А. Номенклатура: эволюция отбора (историко-политологический анализ). М., 1993; Дробижев В. З. Главный штаб социалистической промышленности. М., 1966.

⁵ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 1998. С. 254.

⁶ Гимпельсон Е. Г. Советский управленцы. 20-е годы (руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001.

⁷ Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы (социально-архитектурное микроисторическое исследование). СПб., 2010. С. 136–142.

⁸ Борисова Л. В.: 1) «Третий враг революции». Борьба со взяточничеством и хозяйственными преступлениями в начале нэпа // The Soviet and Post-Soviet Review. California, USA. 2003. Vol. 30, no. 3. P. 245–277; 2) Нэп в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Российская история. 2006. № 1. С. 84–97; Епихин А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК — ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). М., 2007; Ball A. Russian's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929. Berkeley, 1988; Твердюкова Е. Д. «Преступления без жертв»: уголовно-правовая охрана советской торговли (на материалах предвоенного Ленинграда). СПб., 2010.

⁹ *Воробьев С. В.*: 1) Служебные злоупотребления хозяйственной номенклатуры Урала в условиях нэпа // Десятые Татищевские чтения: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 ноября 2013 г.). Екатеринбург, 2013. С. 193–199; 2) Соблазны нэпа: должностные преступления ответственных работников и хозяйственных руководителей Урала в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2015. № 2(25). С. 60–71; *Люттов Л. Н.* Региональная руководящая элита в начале нэпа (1921–1923 гг.): социокультурный аспект // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006.

¹⁰ Социальные типы — это образы, возникающие в обыденном сознании на основе спонтанной социальной классификации и используемые людьми в процессе конструирования социальной реальности исходя из своего повседневного опыта, а также группы людей с особой формой поведения, с особыми психологическими особенностями, с одинаковыми статусными образами. Источниками возникновения социальных типов могут быть профессии (медики, учителя и др.), черты характера («маменькины сынки», «бунтари» и пр.), субкультуры (стиляги, футбольные фанаты и т. п.) или мифы (американские ковбои, немецкие бюргеры и пр.). О социальных типах см., напр.: *Щюцц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003. С. 132–153; *Татарова Г. Г.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М., 2007.

¹¹ *Гимпельсон Е. Г.* Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 343.

¹² *Павлюченков С. А.* «Новый класс» и становление системы государственного абсолютизма // Россия нэповская. М., 2002. С. 187.

¹³ *Сольц А.* Еще о “кризисе в партии” // Правда. 1921. № 31. 12 февр. С. 1.

¹⁴ *Гимпельсон Е. Г.* Нэп и советская политическая система... С. 347–348. — См. также: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 467. Л. 128–129.

¹⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 39248. Л. 20.

¹⁶ *Ковтун Е.* Азарг в Стране Советов: в 3 т. Т. 3. Государственная карточная монополия. М., 2012. С. 90–98; *Гарин Л. Ф.* Художник и карты // Панорама искусств. Вып. 11: сб. статей и публикаций. М., 1988. С. 259–260.

¹⁷ Красная газета. 1926. 28 янв.

¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 39248.

¹⁹ Красная газета. Вечерний выпуск. 1926. 26 янв.; ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 39248. Л. 5–6.

²⁰ Красная газета. Вечерний выпуск. 1926. 18 янв.

²¹ Там же.

²² Там же. 19 янв.

²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 39248. Л. 2.

²⁴ Красная газета. Вечерний выпуск. 1926. 19 янв.

²⁵ *Чуковский К.* Дневник (1901–1929). М., 1991. С. 358.

²⁶ Красная газета. Вечерний выпуск. 1926. 18 янв.

²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 39248. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 5–6.

²⁹ Красная газета. Вечерний выпуск. 1926. 23 янв.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. 25 янв.

³² Там же. 28 янв.

³³ Там же. 27 янв.

³⁴ *Чуковский К.* Дневник (1901–1929)... С. 358.

³⁵ Там же. С. 360.

³⁶ Красная газета. Вечерний выпуск. 1926. 2 февр.

³⁷ Там же. 6 февр.

³⁸ *Сам Б.* В корень и плод // Крокодил. 1926. № 17. С. 2.

³⁹ Письмо комсомольца А. Игошина И. В. Сталину. 25 марта 1926 г. // Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 498.

- ⁴⁰ *Воробьев С. В.* Служебные злоупотребления... С. 195.
- ⁴¹ О партэтике. Проект предложений Президиума ЦКК II Пленуму ЦКК РКП(б) // *Партийная этика: документы и материалы дискуссии 20-х годов.* М., 1989. С. 156.
- ⁴² Там же. С. 160.
- ⁴³ *Сольц А. А.* Из отчета Центральной контрольной комиссии на XI съезде РКП(б) 28 марта 1922 г. // *Партийная этика...* С. 142.
- ⁴⁴ *Тарновский Е.* Статистика преступлений за 1924–1925 гг. // *Еженедельник советской юстиции.* 1926. № 21. С. 646–649.
- ⁴⁵ *Тарновский Е.* Борьба с растратой // *Еженедельник советской юстиции.* 1926. № 37. С. 1090.
- ⁴⁶ ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 206-б. Л. 4.
- ⁴⁷ *Трайнин А. Н.* Некоторые итоги // *Растраты и растратчики.* М., 1926. С. 191.
- ⁴⁸ *Халфин В. С.* Растрата среди должностных преступлений // *Растраты и растратчики.* М., 1926. С. 25.
- ⁴⁹ Красная газета. 1926. 9 янв.
- ⁵⁰ Ленинградская правда. 1926. 14 янв.
- ⁵¹ Там же. 1925. 25 дек.
- ⁵² Там же. 1926. 16 марта.
- ⁵³ Там же. 1925. 29 дек.
- ⁵⁴ Определение уголовной кассационной коллегии по кассационной жалобе гр-на Рогачева, Т. У. на приговор Ленинградского губ. суда от 26 июня 1926 года // *Еженедельник советской юстиции.* 1926. № 35. С. 1047.
- ⁵⁵ Ленинградская правда. 1926. 12 дек.
- ⁵⁶ Один из участников районной рабочей конференции в Ленинграде в октябре 1924 г. говорил, что «все эти преступления, о которых мы знаем, это не столько желание посягнуть на деньги, сколько взять их потому, что они плохо лежат, что плохо в них отчитываются, что абсолютно нет бухгалтерского контроля и нет руководства» (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 6276. Оп. 9. Д. 41. Л. 46).
- ⁵⁷ Ленинградская правда. 1926. 11 февр.
- ⁵⁸ Там же. 3 марта.
- ⁵⁹ Там же. 24 янв.
- ⁶⁰ Определение кассационной коллегии по кассжалобе Вьюхина, осужденного Уральским областным судом по ст. 108, 116, 113, ч. 2, и 92 ст. УК // *Еженедельник советской юстиции.* 1926. № 11. С. 342–343.
- ⁶¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 39248. Л. 21 об.
- ⁶² Стенографический отчет расширенного пленума Ленинградского губернского комитета РКП(б) совместно с делегатами XXII губернской конференции. Л., б. г. С. 22.
- ⁶³ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 9. Д. 39. Л. Л. 220.
- ⁶⁴ *Халфин В. С.* Растрата среди должностных преступлений... С. 50.
- ⁶⁵ *Родин Д. П.* Социальный состав растратчиков // *Растраты и растратчики.* М., 1926. С. 67.
- ⁶⁶ *Гедеонов Н. Н.* Влияние алкоголя и азарта и растраты // *Растраты и растратчики.* М., 1926. С. 114–115.
- ⁶⁷ *Лурье М. Л.* Песни о растратчиках в уличной сатире эпохи нэпа // *Антропологический форум.* 2013. № 518. С. 273.
- ⁶⁸ *Полетика Н. Н.* Виденное и пережитое. (Из воспоминаний). Тель-Авив, 1982. С. 267.
- ⁶⁹ *Сегалов Т.* Растраты. Мотивация преступления // *Растраты и растратчики.* М., 1926. С. 164.
- ⁷⁰ *Лурье М. Л.* Песни о растратчиках... С. 267–287.
- ⁷¹ Там же. С. 285 (орфография источника сохранена).
- ⁷² ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 4834. Л. 27.
- ⁷³ Там же. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 51. Л. 124.
- ⁷⁴ *Письма во власть. 1917–1927.* М., 1998. С. 545.
- ⁷⁵ См., напр.: Циркуляр Наркомюста № 24 О мероприятиях по борьбе с растратами (1 февраля 1926 г.) // *Еженедельник советской юстиции.* 1926. № 11. С. 351–352.

- ⁷⁶ *Якубсон В.Р.* Растратчики в местах заключения // Растраты и растратчики. М., 1926. С. 141.
- ⁷⁷ ЦГАИПД. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 61а. Л. 75–76.
- ⁷⁸ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 8. Д. 12. Л. 68.
- ⁷⁹ См., напр.: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест: сб. документов. СПб., 2000. С. 347.
- ⁸⁰ *Катаев В.* Растратчики // Катаев В. Собр. соч. Т. 2. М., 1983. С. 7–128.
- ⁸¹ *Ильф И., Петров Е.* Светлая личность // Ильф И., Петров Е. 1001 день, или Новая Шахерезада. М., 2000. С. 69.
- ⁸² *Эренбург И.* Рвач. Одесса, 1927.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ульянова С. Б., Сидорчук И. В. «За что боролись?»: герои Гражданской войны в «угаре нэпа» // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 424–440.
УДК 94(47+87) «1917/1930»

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению трансформации социального типа героя Гражданской войны в период новой экономической политики. Обладая своим стилем политического и повседневного поведения, воспетый пропагандой герой, борец за советскую власть в мирное время, в условиях возрождения капитализма мог трансформироваться в негативный социальный тип ушлого дельца и растратчика. Наличие боевых заслуг, благодаря которым он пользовался доверием и допускался к государственным ресурсам, позволяло использовать их в своих корыстных интересах. В статье исследование социального типа героя Гражданской войны осуществляется преимущественно путем обращения к его досуговым практикам, очень часто приобретающим девиантный характер — пьянство, кутежи, азартные игры. Использование методов повседневной истории и ее составляющей — истории досуга — позволило авторам раскрыть причины распространения таких практик, особенности, экономическую и социальную мотивацию участников. Новые советские бюрократы, лишённые собственной корпоративной культурной традиции, охотно копировали досуговое поведение нэпманов, которые представлялись им классом победителей, теми, кто по-настоящему умеет жить красиво. Деловые контакты с частниками провоцировали в чиновничьей среде «онэпивание» — коррупцию и растраты, доходы от которых использовались для вульгарных и гедонистических развлечений. В статье рассмотрены механизмы организации хищений, а также реакция власти на «эпидемию растрат», отражение данной темы в фольклоре и художественной литературе периода. Авторы приходят к выводу, что приверженность к грубым и безыскусным формам досуга подчеркивает характерный для поколения «кожаных курток» невысокий уровень культуры, в том числе культуры досуга, а также свидетельствует об общей примитивизации социальной структуры в результате Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война, Россия, новая экономическая политика, история досуга, девиантный досуг, растраты, история повседневности.

Сведения об авторах: *Ульянова С. Б.* — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия); oulianova@mail.spbstu.ru | *Сидорчук И. В.* — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия); chubber@yandex.ru

FOR CITATION

Ulyanova S. B., Sidorchuk I. V. “What Have We fought For?": The Heroes of the Civil War in “the Intoxication of the NEP”, *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 2, 2018, pp. 424–440.

Abstract: The article is devoted to transformation of the social type of the hero of the Civil war in the period of the New Economic Policy. With his style of political and everyday behavior, hero glorified by propaganda, a fighter

for Soviet power, in time of peace, in conditions of revival of capitalism could be transformed in a negative social type of cunning businessman and the embezzler. The military merit, by which he enjoyed the confidence and was allowed to state resources, gave possibilities to use them for their own selfish interests. In this article the social type of the hero of the Civil war is studied primarily by reference to its leisure practices often took a deviant character: drunkenness, carousing, gambling. Using methods of everyday history and its component — the history of leisure — has allowed the authors to uncover the causes of their proliferation, particularly the economic and social motivation of participants. The new Soviet bureaucrats, deprived of their own corporate cultural traditions, readily copied the leisure behavior of the *Nepmen*, which seemed to them a class of winners, those who truly “knows how to live beautifully”. Business contacts with private traders provoked in the bureaucracy *onepivanie* (“transformation to nepman”) — corruption and embezzlement, the proceeds of which were used for vulgar and hedonistic entertainment. The article describes the mechanisms of the organization of thefts and the reaction of the authorities to the “epidemic of embezzlement”, the reflection of this theme in folklore and literature of the period. The authors come to the conclusion that commitment to the coarse and unsophisticated forms of entertainment, underscoring the generation of “leather jackets” low level of culture, including culture and leisure, and is indicative of the primitivization of the social structure as a result of Civil war.

Keywords: *Civil war*, Russia, New Economic Policy, History of leisure, Deviant leisure, Embezzlements, History of everyday life.

Authors: *Ulyanova S. B.* — Doctor of History, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia); oulianova@mail.spbstu.ru | *Sidorchuk I. V.* — Candidate of History, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia); chubber@yandex.ru

References:

- Ball A. *Russian's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929* (Berkeley, 1988).
- Borisova L. V. “Tretii vrag revolyutsii”. Borba so vzyatochnichestvom i khozyaistvennymi prestupleniyami v nachale nupa’, *The Soviet and Post-Soviet Review*, vol. 30, no. 3, 2003.
- Borisova L. V. ‘Nep v zerkale pokazatel’nykh protsessov po vzyatochnichestvu i khozyaistvennym prestupleniyam’, *Rossiiskaya istoriya*, no. 1, 2006.
- Chukovskiy K. *Dnevnik (1901–1929)* (Moscow, 1991).
- Drobizhev V. Z. *Glavnyi shtab sotsialisticheskoi promyshlennosti* (Moscow, 1966).
- Dzhavlanov O. T., Mikheev V. A. *Nomenklatura: evolyutsiya otbora (istoriko-politologicheskii analiz)* (Moscow, 1993).
- Epikhin A. Yu., Mozokhin O. B. *VChK — OGPU v bor’be s korruptsiei v gody novoi ekonomicheskoi politiki (1921–1928)* (Moscow, 2007).
- Fitspatrik Sh. *Sryvaite maski! Identichnost i samozvanstvo v Rossii XX veka* (Moscow, 2011).
- Gaman-Golutvina O. V. *Politicheskie elity Rossii. Vekhi istoricheskoi evolyutsii* (Moscow, 1998).
- Garin L. F. ‘Khudozhnik i karty’, *Panorama iskusstv*, Iss. 11, *Sb. statei i publikatsii* (Moscow, 1988).
- Gedeonov N. N. ‘Vliyanie alkogolya i azarta i rastraty’, *Rastraty i rastratchiki* (Moscow, 1926).
- Gimpelson E. G. *Nep i sovetskaya politicheskaya sistema. 20-e gody* (Moscow, 2000).
- Gimpelson E. G. *Sovetskii upravlentsy. 20-e gody (Rukovodyashchie kadry gosudarstvennogo apparata SSSR)* (Moscow, 2001).
- Izmozik V. S., Lebina N. B. *Peterburg sovetskii: “novyi chelovek” v starom prostranstve. 1920–1930-e gody (sotsial’no-arkhitekturnoe mikroistoricheskoe issledovanie)* (St. Petersburg, 2010).
- Khalfin V. S. ‘Rastrata sredi dolzhnostnykh prestuplenii’, *Rastraty i rastratchiki* (Moscow, 1926).
- Korzhihina T. P., Figanter Yu. Yu. ‘Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy deistviya’, *Voprosy istorii*, no. 7, 1993.
- Kovtun E. *Azart v Strane Sovetov*, Vol. 3, *Gosudarstvennaya kartochnaya monopoliya* (Moscow, 2012).
- Lurye M. L. ‘Pesni o rastratchikakh v ulichnoi satire epokhi nupa’, *Antropologicheskii forum*, no. 518, 2013.
- Lytov L. N. ‘Regional’naya rukovodyashchaya elita v nachale nupa (1921–1923 gg.): sotsiokulturnyi aspekt’, *NEP: ekonomicheskije, politicheskije i sotsiokulturnyje aspekty* (Moscow, 2006).
- ‘O partetike. Proekt predlozhenii Prezidiuma TsKK II Plenumu TsKK RKP(b)’, *Partiinaya etika: dokumenty i materialy diskussii 20-kh godov* (Moscow, 1989).
- Pavljuchenkov S. A. ‘“Novyj klass” i stanovlenie sistemy gosudarstvennogo absoljutizma’, *Rossija njepravskaja* (Moscow, 2002).

- 'Pismo komsomol'tsa A. Igoshina I. V. Stalinu. 25 marta 1926 g.', *Pisma vo vlast. 1917–1927. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pisma v gosudarstvennyye struktury i bolshevistskim vozhdyam* (Moscow, 1998).
- Piterskie rabochie i "diktatura proletariata". Oktyabr' 1917–1929. Ekonomicheskie konflikty i politicheskii protest: sb. dokumentov* (St. Petersburg, 2000).
- Poletika N. N. *Vidennoe i perezhitoe (Iz vospominanij)* (Tel'-Aviv, 1982).
- Posadskiy A. V. 'Narodnye elity Grazhdanskoi voyny: istochniki i puti formirovaniya', *Epokha voin i revolyutsii: 1914–1922* (St. Petersburg, 2017).
- Rodin D. P. 'Sotsial'nyi sostav rastratchikov', *Rastraty i rastratchiki* (Moscow, 1926).
- Segalov T. 'Rastraty. Motivatsiya prestupleniya', *Rastraty i rastratchiki* (Moscow, 1926).
- Shutz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* (Moscow, 2003).
- Solts A. 'Eshhe o "krizise v partii"', *Pravda*, no. 31, 1921.
- Solts A. A. 'Iz otcheta Tsentral'noi kontrol'noi komissii na XI siezde RKP(b) 28 marta 1922 g.', *Partiinaya etika: dokumenty i materialy diskussii 20-kh godov* (Moscow, 1989).
- Tatarova G. G. *Osnovy tipologicheskogo analiza v sotsiologicheskikh issledovaniyakh* (Moscow, 2007).
- Trainin A. N. 'Nekotorye itogi', *Rastraty i rastratchiki* (Moscow, 1926).
- Tverdyukova E. D. *Prestupleniya bez zhertv : Ugolovno-pravovaya okhrana sovetskoj trgovli (na materialakh predvoennogo Leningrada)* (St. Petersburg, 2010).
- Vorobyev S. V. 'Sluzhebnye zloupotrebleniya khozyaistvennoi nomenklatury Urala v usloviyakh nepa', *Desyatye Tatishchevskie chteniya: mat-ly vseros. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 20–21 noyabrya 2013 goda)* (Yekaterinburg, 2013).
- Vorobyev S. V. 'Soblazny nepa: dolzhnostnye prestupleniya otvetstvennykh rabotnikov i khozyaistvennykh rukovoditelei Urala v 1920-e gody', *Vestnik Permskogo universiteta*, Ser. Istoriya, no. 2(25), 2015.
- Yakubson V. R. 'Rastratchiki v mestakh zaklyucheniya', *Rastraty i rastratchiki* (Moscow, 1926).